

ОЛЕТ ОН

КАКОГО ЛЕПСА?!

АНТИНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ЛЕПСЫ

Олег Он

**КАКОГО ЛЕПСА?!! или ВО
ВСЁМ ВИНОВАТЫ ПОДУШКИ!**

«Автор»

2026

Он О. В.

КАКОГО ЛЕПСА?!! или ВО ВСЁМ ВИНОВАТЫ ПОДУШКИ! /
О. В. Он — «Автор», 2026 — (ЛЕПСЫ)

После череды глобальных катастроф на архипелаге в Тартарском море, полном странных островов и населённом весёлостукнутыми чудаками, происходит нечто крайне загадочное. Журналист-шпион Симеон Борзой и два шамана: юный Стасян и старый Сом пытаются понять, где кончается общественный абсурд и начинается настоящий биологический катаклизм. Сложно разобраться, где слухи и сплетни, распускаемые старухами Зитой и Паразитой, где гипотезы учёных-шаманов, а где настоящая правда. А её прячут, игнорируют, она пугает и интригует. И причём тут заговор военных, присутствие пришельцев, и главное — причём тут подушки?! Абсурдный разноцветный юмор, колоритные стебанутые персонажи, неадекватный постапокалиптический мир, практика заговора, замороженный сюжет, — что ещё нужно для настоящей сатирической антинаучной фантастики?

© Он О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть 1 Тайны Пипининского архипелага...	7
1	7
2	10
3	17
4	24
5	29
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

КАКОГО ЛЕПСА?! или ВО ВСЁМ ВИНОВАТЫ ПОДУШКИ!

ПРОЛОГ

Сначала всё выглядело не как конец света, а как его плановая репетиция.

То есть нет, чтобы сразу: небо разверзлось, земля треснула, мутанты полезли из канализации, а министры дружно признали ЧП и призвали МЧС.

Нет. Сначала всё было вполне по-людски: чуть странно, чуть тревожно, местами выгодно, местами приятно, а в целом — как всегда.

Это потом часть человечества перестала быть, собственно, человечеством. Это потом часть животных перестала быть, собственно, животными. Это потом тем, кто остался просто людьми, стало страшно, странно и *безбудушно*.

Это потом люди задались вопросом: что происходит?

Дырявый Сом сказал бы об этом:

— То ли катаморфоз — деградация в примитивную сторону, то ли ароморфоз — развитие с переходом на новый уровень.

Стасян непременно заметил бы ему на это:

— Учитель! Опять ты на птичьем языке говоришь!

А старухи Зита и Паразита, заслуженные академики архипелажной аналитики по вопросам мирового заговора, погоды и пришельцев, народные блюстители чужих пупков, прохиндейки сплетни и скандала, выразились бы ещё точнее:

— Сколько лепса ни корми, петь его ты не научишь! Он и сам это умеет! Но петь с ними не моги! Ибо пропадают дураки да липняки!

Это потом люди задались вопросами: кто виноват и что делать?

Всё это случилось потом.

А пока жизнь шла как обычно.

После Великой ссоры пипы римской и мимы аглицкой, после Третьего Всемирного потопа, Четвёртого извержения мегавулкана Фелиграни и Седьмого Исторического ледникового периода человечеству вообще многое приходилось обустраивать заново. Люди ко всему привыкли: к катастрофам, к обнулениям, к нехватке ресурсов, к переименованиям эпох, к бессмысленным реформам и к очень осмысленному воровству. Это и называется цивилизационной устойчивостью.

И на Пипининском архипелаге всё происходило так же обычно, как и везде.

Почти что обычно.

Люди делали гешефт и нервы друг другу, делали вид, что всё понимают, и вели себя как полноценные представители разумного вида — то есть в основном неразумно, но с достоинством.

Чиновники охраняли порядок от здравого смысла.

Охотники охраняли природу от излишков жизни.

Торговцы охраняли прибыль от совести.

Учёные — остатки смысла от окружающих.

А старухи — общество от нехватки интерпретации.

Именно в такой среде и могла начаться катастрофа, которую приняли за сезонную моду, бытовую аномалию, экологический перекос, заговор военных, происки пришельцев, массовый

психоз, научную сенсацию, чушь собачью и очень выгодную новую отрасль экономики. Причём одновременно.

Именно в таком колоритном месте — *с налётом* недогламурного идиотизма и саркастичного пофигизма — могло появиться то, что смогло изменить человечество и запустило нечто невиданное.

С чего всё началось?

Великие кризисы редко начинаются с фанфар. Чаще — с ерунды. С выгодного товара. С чьего-то любопытства. С чьей-то глупости.

Да-да. Не улыбайтесь.

Потом будет не до смеха.

Распутывать тайны, искать причины и лезть туда, куда нормальный человек сунул бы разве что палку, как обычно, пришлось очередным героям: юноше Стасяну, старому учёному-шаману Дырявому Сому и авантюристу Симеону Борзому.

И распутали. И нашли.

Впрочем, когда ответы на все вопросы были получены, выяснилось, что человечество, как всегда, опоздало с вопросами.

Но не будем забегать вперёд.

Ибо об этом и будет наш рассказ, лепс нас подери.

Часть 1 Тайны Пипининского архипелага...

1

– ...Вы понимаете, что так дела не делаются! – генерал пытался заинтересовать Симеона Борзого, но делал это неловко, сам это понимал и потому раздражался. – Мы бы хотели, чтобы вся информация не распространялась. Иначе неизбежны... м-м-м... социальные конфликты, проблемы международного характера.

То, что вы опубликуете, желательно должно пройти через нас. Именно желательно! Я не неволю вас – полагаюсь на вашу принципиальность в гражданских вопросах.

Мы помогаем вам, вы помогаете нам...

Мы очень ценим ваше умение добывать информацию. Вы должны быть патриотом! У нас ведь так много общего...

Симеон Борзой работал на многие издания. Но прежде всего он был политическим и антиполитическим обозревателем столичного неправительственного журнала «НАША НЕРОДИНА».

Редакцию этого журнала периодически обвиняли то в оголтелом антисиионизме, то, наоборот, в национал-большевизме или неопсевдофашизме, то в либеральном негетеросексуализме, то в гомофобии.

Поклонники этих течений однажды даже специально устроили из-за этого драку на Пьяном углу, что близ Опереточного.

И во многом эта великолепная идейная путаница возникала благодаря аналитическим обзорам Симеона Борзого.

Он умудрился прослыть таким ультрарадикалом и маргиналом, что завоевал симпатии и на правом, и на левом фланге политической сцены – а также на галёрке этого театра.

Естественно, что только за кулисами, во властном «центре», его опасались.

Потому что его обзоры носили такой остро-сатирический характер, что в правительстве «НАШУ НЕРОДИНУ» встречали либо похоронным молчанием, либо брезгливым раздражением.

Странно – ведь никого конкретно Борзой обычно не трогал.

Впрочем, на воре не шапка, а кальсоны горят.

Вместо Борзого за воров брались его стажёры.

А потом выяснялось, что за стажёрами никого нет – кроме самого Борзого.

Да и самих стажёров зачастую не существовало: это были вымышленные имена.

Были, конечно, у Симеона и настоящие стажёры, но их он никогда не подставлял.

Предполагали, что у Симеона были покровители. Но на поверку таковыми являлись лишь те, кого сам Борзой выбирал. Он никого не боялся, поэтому ни под кого не стелился. Он всегда видел слабости сильных мира сего и играл этими их противоречиями так удачно, что им приходилось с журналистом то дружить, то покровительствовать ему. Ибо каким-то невероятным образом он оказывался более полезен и безопасен живым. Хотя все знали: правду он никогда таить не будет, если докопается до неё.

Вот и получалось, что покровители сами попадали под его острое перо. Потом обвиняли его в неблагодарности. А он в ответ им просто говорил:

– Я вам ничем не обязан! Это вы себе сами придумали! А вы, сударь, ежели хотите, чтобы все узнали, что вы подлец ещё и вот в этом, и вот в этом, – я найду и такие факты!

А ещё он всегда держал какие-то козыри в газырях, а газыри в январе упыри раздали егерям. Что там за компромат хранился в его закромах, все могли только гадать. Он ссорил

между собой разных важных персон, и они то и дело готовы были то благодарить его за компромат на конкурента, то убить за компромат на самих себя.

Вот и генералы полагали себя покровителями Симеона Борзого. До поры до времени?..

Симеон лишь усмехался, оглядывая огромный генеральский кабинет. Метров двести квадратных – о кубометрах скромно умолчим. В кабинете работали вестербайтеры, строители с небратского Гальбиона. Они сооружали камин и ругались на своём языке, махая руками и тыкая на какую-то поломанную лепнину. Они очень громко спорили и поносили краснорожего коллегу, безвольно валявшегося в углу.

Генералу пришлось на них цыкнуть. После пятнадцатого цыка вестербайтеры надавали несколько футбольных шУтов пониже спины краснорожему коллеге, отчего тот окончательно уснул. Спустя полминуты они наконец успокоились.

– Я помню, как вы замечательно раздобыли информацию о моих пристрастиях! – генерал посмеялся в кулак. – Мне пришлось потом некоторым докучным журналыгам доказывать, что я не участвовал в групповых половых контактах! Хе-хе!

Симеон снова усмехнулся.

– Конечно, такая слава не для генерала спецслужб... Ну да ладно! Запомните, Борзой: не Сосновый, а Пьянолисий! Только остров Пьяных Лис! Вся прочая информация у нас есть. Я знаю вас. Вы захотите засунуть свой нос везде. Время потеряете. И, наконец, это может оказаться для вас просто опасно! А ежели вам так интересно, то потом мы вам расскажем всё, что вам интересно!

Симеон смотрел на вестербайтеров, словно не замечая генерала. Он внутренне усмехался – что генерал мог бы заметить, если бы заглянул собеседнику в глаза.

– Вы меня слышите?

Симеон взглянул прямо в глаза генералу. Кивнул.

– Вы меня понимаете?

Симеон снова кивнул.

– Я не жду от вас исполнительности. Я понимаю, что вы не сможете быть послушным исполнителем. Но тот минимум, о котором я вас прошу, вы сможете сделать?.. Вы обычно такой разговорчивый, а теперь из вас и слова не вытянешь! Ответьте, прошу вас! Договор заключаем?

Симеон вздохнул, слегка задумался. Через полминуты выдавил из себя:

– Я буду держать вас в курсе. Прежде чем закрепить наш договор, я требую документы по архипелагу: история, картография, и карты не простые, а ваши. И, конечно же, все сведения об артефактах – как исторических, так и необъяснимого происхождения. Это необходимо, сами понимаете.

– Хорошо. Но и от вас потребуется кое-что ещё.

– Мне кажется, уже достаточно!

Но тут генерал разъярился:

– Вы полагаете, что мы не выявили вашего сотрудничества с другими разведками?! Вы полагаете, что мы не нашли ваших связей с преступным миром, с ренегатами и анархистами?! Борзой, вы под колпаком! – потом он несколько успокоился. – Только благодаря вашему хорошему отношению ко мне вы ещё топчете грешную землю. Только благодаря вашим полезным качествам. И потому – никаких нежелательных контактов!

– Не стану спорить, хотя про колпак вы преувеличили. Да и связи, и сотрудничество... тоже не блеск. Вам придётся считаться с тем, как я работаю!

– Вот-вот. В этом мы как раз крайне заинтересованы. До тех пор, пока...

Вестербайтеры снова стали громко ругаться на своём языке. Они продолжили по очереди играть в футбол ягодицами краснорожего коллеги. Тот, очнувшись, пытался увернуться, но его окружили, и он пропустил целую серию голов. Сорок один – ноль в пользу вестербайтеров, подсчитал Симеон. Генерал сурово глянул в их сторону и зарычал.

– Пока я не совершу какой-нибудь прокол? – усмехнулся Симеон. – Пока я действую не против вас? И всё равно я останусь сам по себе, генерал Сфинктель!

Генерал кивнул и протянул руку для скрепления договора. Симеон пожал её. Крепко. Симеон не любил вялых рукопожатий. Они говорили либо о самовлюблённости собеседника, либо о вялости характера.

Большая генеральская рука оказалась не в пример слабее журналистской.

Пожилый военный даже слегка ойкнул.

Знал бы наш пронырливый исследователь, к какому результату приведёт его расследование!..

2

Стасян стоял посреди абсолютно пустого пространства.

Постепенно всё заполнялось: сначала тенями, затем обретали плоть небо, луна, трава, деревья и прочие атрибуты бытия.

– Стасян! – внезапно окликнул его сзади молодой женский голос.

Он резко обернулся.

Это была она?..

Словно почва ушла из-под ног, а небо захотело задушить его в объятиях.

Она стояла у края оврага, по колено в траве, и, нежно улыбаясь, смотрела на Стасяна.

Тело юноши одеревенело. Он не знал, что предпринять, что чувствовать, что думать.

Ведь это была она.

Когда-то он её бросил.

И понимал: ведь только её и любил.

Но как она не попала в щупальца подушек?.. Подушек, даривших и отнимавших, заражавших и исцелявших...

Или попала?..

Но как – ведь она выглядела такой настоящей!

Стоп. Какие ещё подушки?..

Впрочем, ладно.

Ему так хотелось её приласкать. Дотронуться до её волос, до рук. Поцеловать её.

Ноги сами понесли его к оврагу сквозь высокую траву.

– Стасян! – кричал кто-то позади. – Стой!

Стасян вполоборота обернулся. Рука безвольно махнула в равнодушном жесте. Юноша шёл вперёд – к ней.

Она протягивала к нему руки, звала его, обещая рассказать всё, что пережила за время их разлуки.

– Знаешь, сколько в мире любви? Мы ещё так мало знаем об этом. Мы ведь были такие одинокие...

Она тянула его, как магнит.

В голове стоял туман – мягкий, как эти подушки.

Сзади что-то кричали, но Стасян слышал лишь её голос. Их руки медленно тянулись навстречу друг другу.

– Стреляю! – завопили позади. – Стасян, это же ПОДУШКИ!

Снова подушки?

Всюду лезут эти странные подушки!

Причём тут они?

– Оставь прошлое, Стасян... – сказала она.

И её рука коснулась его руки.

Словно все ощущения мира ворвались в его мозг.

Солнце, вода и ветер ласкали, жгли, били, мололи, жарили, целовали, смешили... Женщины и мужчины ели, спали, любили, дышали, плакали, умирали, смеялись, думали, хотели, рожали, жили...

Стасян болел и здоровел. Он любил и желал. Он страдал и наслаждался.

Он вдумывался и чувствовался во всё сущее и воображаемое и, не в силах объять необъятное, растворялся в нём.

Полнота.

Многомерность.

Свобода.

Покой.

Так глубоко переживать он не мог никогда.

Так широко ощущать – тоже никогда.

Так сильно мыслить – никогда.

– Стасян, что ты наделал?! – донеслось до него. – Ты погиб! Почему ты меня не слушал?!

– Погиб? Нет же! Именно теперь начинается жизнь!

Но подушки накрыли всё.

Они затопили пространство. Заполнили рот, уши, нос, глаза своим пухом и перьями...

Всё стало пёстрым от этих перьев.

И всё словно сделалось единым – из бесчисленного множества частиц...

Стасян вскочил – то ли от восторга, то ли от ужаса, то ли от странной смеси одного с другим.

– Так это опять сон?! – пробормотал он. – И опять подушки? Почему подушки?..

Стасян ещё несколько секунд сидел на постели, пытаясь прийти в себя.

Сердце билось так, будто он и вправду пережил всё это. Подушки были каким-то недо-разумением. Он обернулся, посмотрел на свою подушку.

Нет. Это не то.

Снилась ему не обычная подушка, а нечто... Как это описать?..

Это потом Стасян узнал, что подобные сны снились многим жителям Охотничьего острова.

Спит и шаман, спит и охотник, спит и чиновник, и турист, и пьяный скотник – и всем снится сон, странный сон. То подушки, то пердушки, то пёрышки, то вошки, то какие-то шуршащие крылышки, то вообще уже не пойми что, чему и названия приличного не подберёшь.

Сны были постыдные. Сны были странные. Иногда сладкие, иногда жуткие, а чаще – всё сразу. Многое зависело от испорченности гражданина. А у каждого в шкафу хранился какой-нибудь скелетик-секретик.

Никто, конечно же, своими снами не поделился. У нас ведь как: если человеку снится что-то непотребное или чересчур загадочное, он лучше промолчит, чем признается, что у него и подсознание с прибабахом. А зря. Расскажи они друг другу всё это вовремя – глядишь, и стало бы хоть что-то яснее. Но нет. Каждый решил, что именно его личный сон и есть его личный маленький стыд и срам.

Он подошёл к зеркалу, взглянул на себя не без удовольствия.

Стасян был юн и приятен наружностью. Девушки уже замечали его. Ростом он был немного выше среднего, широк в плечах, худощав.

Глаза его меняли цвет в зависимости от настроения.

У Стасяна были аристократически правильные черты лица. Светло-русые волосы доходили до плеч, и он собирал их в хвост.

Длинные волосы на Охотничьем острове отпускали шаманы.

Охотники, например, полностью брили голову.

Шаманы и охотники были местной аристократией, находясь на своеобразных полюсах отношения человека к природе: охотники олицетворяли потребление, шаманы – познание и жертву.

Прочие жители выбривали ту часть головы, которая символизировала их ремесло.

Например, куродятловоды отпускали пейсы на висках, выбривая затылок. Кузнецы и все, кто работал с металлом, брили почти всё, оставляя на макушке клочок волос в виде креста.

Словом, каждый специалист таким образом обозначал свою социальную роль.

Настоящим шаманом Стасян пока не стал. Но явно стремился к этому – несмотря на все доводы родни против.

Потому он старался отрастить волосы как можно длиннее, из-за чего иногда получал неодобрительные отзывы островитян.

Он окончательно проснулся, пришёл в себя и вышел из спальни.

Вспомнить все подробности сна он уже не смог. В голове крутились какие-то образы, но не складывались в цельную картину.

Только образ подушек оставался удивительно ясным.

– Что ж... – вздохнул он. – Подушки подушками. Но не время спать.

Пойду жить.

* * *

Лес на Охотничьем острове всегда считался местом таинственным и заповедным.

Стасян любил прогуляться по лесу, несмотря на все слухи, отпугивавшие жителей от таких прогулок. Только охотники и шаманы могли позволить себе подобные вольности.

– Пришельцы! Пришельцы! – шипели старухи-сплетницы. – Нельзя! Опасно!.. Уже тридцать три человека пропало!..

Конечно, врал.

Пропал всего один человек. Да и того нашли через месяц в соседней деревне Саки – в баре, где как раз именно тридцать три человека никак не могли оторвать его от очередной бутылки с очередным жутким пойлом.

Всеми сплетнями на острове заведовали Зита и Паразита – местные распространительницы слухов. Неразлучные старухи были известны по всему Сараю и Научному городку своими неудержимыми языками, а также наивнимательнейшими глазками и ушками.

Старожилы поговаривали, что у Зиты даже есть третий глаз, а у Паразиты – третье ухо.

Стасян, конечно же, не верил этим вздорным бабкам. Он спокойно гулял по лесу.

– Любишь опасности! Люби опасаться! Опасайся любить! – Стасян часто по этому поводу высказывался цитатой какого-то журналиста из одной забавной статьи, которую ему как-то дал почитать Дырявый Сом. Статья касалась каких-то честнейших чиновников, которые, посчитав себя пупом мира, так обчистили других чистейших чиновников – вчистую. Не сказать, что это был его девиз, но звучало!

Но на сей раз какое-то предчувствие тревожило его. Он не мог понять, что именно его беспокоит. То ли образы сна, который он никак не мог вспомнить. То ли странные запахи, плывшие по воздуху из глубины леса.

Тем не менее Стасян шёл, насвистывая очередной хит очередных поп-звёзд, разглядывал небо, слушал птиц и зверей.

Немного притомившись, он присел на траву на небольшой полянке.

И услышал голоса.

Они доносились из оврага – глубокого и потому тёмного.

Стасян заинтересовался. Очень тихо приблизился и подполз к краю обрыва.

Голоса были необычные. Похожие на горловые, каркающие. Они говорили не по-человечески. Может быть, это был даже не звук, а какое-то звучание прямо в его голове.

Ощущение было странное – почти фантастическое, похожее на сон.

Однако Стасян понимал всё, что они говорили.

Два голоса в темноте.

Сильный и слабый.

– Докладывай, – сказал сильный.

– Они попали в каузально-темпоральную спираль, – ответил слабый, – и оказались в прошлом. На острове во внутреннем море...

– Так вы их нашли?

– Только их потомков.

– Как так?!

– Они уже давно там. Это десятое поколение. Их численность превышает две тысячи. Они в основном освоили для обитания этот архипелаг. И прежде всего остров, на котором потерпела крушение основная группа СПЕЛА-67.

Часть потомков группы деградировала и одичала. Сам СПЕЛ-67 уже скончался.

– Что предлагают эксперты?

– Цивилизация на грани глобальных морфологических и психогенетических изменений. Контакт нежелателен – он может повлиять и на нас. Невозможно предсказать, какие изменения могут начаться. Даже сама группа СПЕЛА-67 уже подверглась, помимо деградации, изменениям непонятного характера и непонятной направленности. Чтобы изъять всех наших, потребуется полномасштабная спецоперация. Но в таком случае контакт неизбежен. Со всеми последствиями.

– Тогда пока только наблюдение.

– Продумать варианты точечных операций по изъятию?

– Да. Продумать. Но пока только наблюдать. Все действия откладываем на неопределённый срок. Жду отчёта. Исполняйте. Свободны.

– Там кто-то есть... – вдруг тихо сказал слабый. – Нас слышат.

И с этого момента юноша перестал понимать, что говорили эти голоса. Теперь он воспринимал их только слухом – как странное злое карканье.

У Стасяна похолодело внутри. Как в кошмарном сне.

Он даже сдвинуться с места не мог.

Из самой глубины живота стал подниматься такой неопиcуемый ужас, что хотелось только одного – проснуться и больше ничего не видеть и не слышать.

Голоса приближались.

Но их обладатели каркали всё тише и тише по мере приближения к краю оврага. Карканье превратилось в тихое шипение.

И тут ужас сменился паникой.

Ноги сами понесли Стасяна прочь.

Скорее, скорее.

Он бежал сквозь лес, сквозь паутину, висячий мох, ветви кустов и деревьев. Страх гнал его с такой скоростью, что редкий мопед или шахед смог бы сейчас его догнать.

У Стасяна было чувство, что он случайно подглядел в чужую тайну, потом проникся ею, а потом тайна сама заметила его и теперь будет держать под наблюдением. Он ещё не мог объяснить это словами, но ощущение чужого внимания прилипло к нему крепче, чем репейник к штанине. А репейников на штаны он действительно набрал кучу: синих, огромных и крайне липучих...

И тут в лоб ему что-то так стукнуло, что искры из глаз едва не подожгли лес.

В тот же миг он полностью вспомнил свой утренний сон.

Ему явились образы Зиты и Паразиты с криками:

– Мы же говорили!

Стасян усмехнулся... и свалился в обморок.

* * *

Стасян был уже на пороге юности – как раз в том возрасте, когда дети начинают считать себя взрослыми.

Он уже заглядывался на девушек. Особенно на одну – соседскую Марину, весьма привлекательную во всех отношениях.

Девушки находили в нём много интересного – и во внешности, и в уме.

Что он сам находил в девушках, Стасян пока не вполне понимал, но размышлял о них часто.

Однако чаще он думал о других вещах.

Парень он был неглупый. В голове его толкло множество идей, а также горячее желание переустроить весь мир по справедливости. От этого страдал не только он сам, но иногда и некоторые жители городка.

Словом, у него были все шансы однажды стать таким же, как Дырявый Сом – его учитель и друг.

Тем более что старый шаман остался на острове один, без наследников. После ухода жены и детей старик жил в одиночестве. Родственники его не навещали, а горожане особой любви к нему не испытывали.

Но Стасян как-то очень быстро сдружился с этим странным человеком.

Парень жил с родителями на окраине города, совсем недалеко от домика-лаборатории Дырявого Сома. Жилище старика располагалось уже за городской чертой.

Но это не мешало Стасяну постоянно ошиваться у Сома.

Старик давно привык к смышлёному мальчишке. Тот всё время вертелся рядом, помогая во всяких мелочах. Иногда Стасян даже подсказывал что-нибудь интересное.

Пока мальчишка крутился возле Сома, он многому научился у учёного-шамана – и практически полезному, и удивительному.

Самое важное, что отмечал в своей работе со школьниками Дырявый Сом, было то, что они учились творческому мышлению и умению искать себя.

К нему приходили и другие дети. Но не все родители долго терпели «поумнение» своих чад – потому их быстро возвращали в лоно семьи и привычного невежества.

Родители Стасяна иногда запрещали ему общаться со стариком, но плохим человеком Дырявого Сома не считали. Поэтому запреты эти соблюдались не слишком строго.

Чаще всего на них влияли резкие высказывания родственника – двоюродного дяди Стасяна по материнской линии, охотника Ё.

Этот деятель местного промысла неоднократно попадался Дырявому Сому на малоприглядных делишках, которые сам Ё браконьерством не считал. Несколько штрафов ему пришлось заплатить именно после заявлений шамана в городской совет и природный департамент.

Так Дырявый Сом и нажил себе немало недоброжелателей.

На будущее Стасяна охотник имел виды: он хотел, чтобы мальчишка пошёл по его стопам, то есть стал его учеником. Профессия охотника передавалась не всякому, ибо была элитарной и аристократической на острове. Но Стасян особо не горел желанием убивать животных. Он больше мечтал о карьере учёного и шамана. В этой связи он ненароком подслушал один скандальный разговор дядьки с матерью.

– Что это он так горит желанием стать шаманом?! – злобно рычал на сестру Охотник Ё.

– У него спроси! – огрызнулась Агнешка.

– Я спрошу! Спрошу! Тут ведь не обошлось без Дырявого Сомы, этого чокнутого старикашки! Пупок ему в пупок!

– Ой, ради Бога! Чего ты так шумишь?!

– А ещё, Агнешка, до меня доходили слухи!.. – он как-то приглушённо злобно шипел, словно удав, оплетающий своими кольцами.

– Какие ещё слухи?! – Агнешка напряглась.

– Да насчёт тебя и того учёного – Очкастого Олафа!..

– Ё! Ты sdурел, что ли?! Опомнись!.. – женщина не на шутку разозлилась.

– Да ведь посмотри: разве Стасян похож на твоего мужа?.. Что-то у меня сомнения на этот счёт... Пупок тебе в нос!..

– Иди ты сам в пуп! – она бешено набросилась на Ё, схватила его за рубаху на пузе. – Ещё раз услышу такое от тебя – и отдам Стасяна в ученики Дырявому Сому! А ты забудешь дорогу к нам навсегда! Ещё раз!.. – прошипела она.

– Давай-давай, отдавай! Нашла кому! Он же кретин! Сумасшедший!!.. – Охотник вырвался из цепких рук Агнешки. – Если отдашь, то всем станет ясно, откуда у слухов пуповина растёт! Смотри, сестра, будь осторожнее – смотри за ребёнком своим!.. Сам я не верю, что старик какой-то извращенец, это чужь, но!.. Я просто хочу, чтобы Стасян был моим учеником! Чтобы он стал настоящим мужиком! Чему его там научит Сом – мне плевать! Может, и полезному, не суть!.. Но добейся, чтобы малый стал в итоге охотником! И только охотником! Начинай потихоньку готовить его! Ты знаешь, как уважают наше сословие на острове. Это твой сын, помни! Разве ты хочешь для него судьбу всеми ненавидимого старика с дырой в руке?

– Ладно! Но только чтоб я не слышала больше об этих дурацких слухах! А то я тебе пупок на уши натяну!

– Ладно-ладно!.. – охотник примиряюще заулыбался. – А всё же, сестрёнка...

– Я тебе сказала: чтобы больше не слышала!!!

– Всё-всё! Договорились!

Родители Стасяна были своеобразными.

Вован Карлович был простым тихим столяром. Смирно точил свои стамески и тихо пилил свои доски. И никто не мог залезть к нему в душу. Был он каким-то неприступно равнодушным и замкнутым. Злые языки говаривали, что в детстве его похитили инопланетяне, и он из-за этого стал бесчувственным.

Но мать Стасяна, Агнешка, была особой яркой и примечательной. Она отличалась тем, что в юности пыталась пробиться в высшие круги и помышляла уехать на материк. Стоит заметить, что Агнешка в юности очень часто бегала в Научный городок. Это был район города, где жили учёные, занимаясь исследованиями в своих лабораториях.

Те же злые языки говаривали, что никакая наука её не интересовала и что там она просто нашла себе любовника и бегала именно к нему. И любовником её называли именно Очкастого Олафа. С ним-то Агнешку чаще всего видели местные сплетники, и с ним она чаще всего общалась в Научном городке и вне оногo.

Эта история Агнешки осталась самым тёмным периодом её юности.

По слухам, Агнешка якобы нагуляла с Олафом ребёнка. А потом любовник её бросил, и она, дабы сохранить свою честь, очень вовремя выскочила замуж за Вована Карловича. Стасян родился через восемь месяцев после заключения брака.

Брак этот, в общем-то, удался, так как супруги друг друга любили. В подтверждение тому вся округа вместо типичных для супружеской жизни скандалов слышала только страстные любовные стоны из их спальни. Да и помимо интимной жизни они хорошо ужились, и злым языкам нечего было более судачить.

Понятно, что Стасян ничего не знал об этих слухах. Потому, услышав то, что сказал его дядька Охотник Ё, Стасян призадумался. Теперь к этому своему родственнику он начал испытывать не очень хорошие чувства. И если раньше он ещё мог подумать о карьере охотника, то теперь ему всё меньше и меньше этого хотелось.

Да и, кроме того, у него появились и другие увлечения, подчас не дававшие времени даже на учёбу в школе.

3

Красавец гламурный мог нервно покурить за углом, красавец brutальный – просто покурить на углу.

А все прочие, то бишь дамы, не могли налюбоваться на Симеона Борзого, не подавившись дымом сигарет этих двоих красавцев.

Обезьяноподобная внешность Симеона моментально меркла в сиянии его ослепительной улыбки – улыбки уверенного, сильного и открытого человека. Мужика на все сто процентов. Эта улыбка покоряла как женские сердца, так и мужские кулаки. И те и другие просто раскрывались ему.

А он, как истинный журналист, делал свои репортажи, пользуясь обаянием, открытостью и дружелюбием.

Он шёл на встречу со своими информаторами.

Встречные и поперечные дамы хотели бы пасть ему в объятия, распахивали глаза, улыбались, поправляли волосы, сбивались с походки и, будь на то соизволение судьбы, с радостью пали бы ему в объятия – каждая по-своему, с разной степенью пошлости или романтизма. Но Борзому сейчас было не до либидо. Он торопился. Когда журналиста вели за нос к тайне, женщины, пьянки, азарт, да и сама жизнь на время отходили у него на второй план.

Информаторы ждали его в обычном месте – на самом Пьяном углу из пяти Пьяных углов столицы. Там, среди запахов дешёвого прожигания бытия и высоких государственных интересов, случайно уроненных в это публичное гиблое место. Столики на улице были такие же грязные, как и те граждане, что восседали или громоздились вокруг.

Один из информаторов, пожелавший остаться совершенно неизвестным, уже сидел за дальним столиком, спрятав лицо за газетой с таким усердием, будто надеялся, что и сам от этого станет типографской краской. Второй делал вид, что пьёт кофе, хотя по тому, как он морщился, было ясно: пьёт он не кофе, а наказание за грешное бытие пса смердящего.

– Ну? – сказал Симеон, не присаживаясь, лишь брезгливо поставив ногу на стул и облокотившись на колено.

Неизвестный молча подвинул к нему запечатанный конверт.

– От кого?

– От господина, чьё имя лучше не произносить вслух, если не хочешь, чтобы у стен внезапно выросли уши, – пробормотал кофепитец.

– То есть от Инкогнитто, – усмехнулся Борзой.

Оба собеседника одновременно сделали вид, что не расслышали, один слившись с газетой, второй занырнув в чашку кофе.

Симеон вскрыл конверт. Внутри был только один лист – без подписи, без печати, без любезностей, без угроз. Именно это и выдавало серьёзность дела. Когда власть начинает говорить вежливо, это ещё терпимо. Когда она пишет сухо и кратко, значит, либо кто-то уже умер, либо вот-вот умрёт.

Письмо содержало не объяснения, а ориентиры. Господин Инкогнитто, как и всякий умный чиновный призрак, не сообщал лишнего. Он лишь обозначал реперные точки, вокруг которых, по его мнению, и надо было рыть землю, воду, архивы и чужую память всякоразных информаторов.

Во-первых, Сосновый остров: не полумифическая эпидемия, а всё, что происходило на острове за полгода до её официального объявления. Кто прибыл, кто исчез, какие объекты были закрыты, что и куда вывозилось морем и по воздуху.

Во-вторых, Пьянолисий остров: причины, по которым все экспедиции либо менялись психически, либо не возвращались вовсе. Особенно интересовали свидетельства о резкой смене поведения, пищевых привычек и мировоззрения.

В-третьих, неподотчётные и сверхсекретные военные базы и лаборатории: старые схемы расположения, чередование закрытий и повторных открытий, совпадение активности военных с появлением слухов о пришельцах, мутантах и «необъяснимых атмосферных явлениях».

В-четвёртых, пещерные системы Соснового: не общая география, а зоны, не обозначенные на гражданских картах. Особенно – затопленные ходы, вертикальные шахты и участки, где связь и навигация дают сбой.

В-пятых, артефакты: любые находки необъяснимого происхождения на островах архипелага – от древних мегалитов до предметов, не поддающихся нормальной классификации и не проходящих по официальным музейным ведомостям.

В-шестых, колония Кереш: остатки архивов, списки прибывших, списки умерших, списки исчезнувших. И особенно – расхождения между официальной численностью жителей и реальным количеством людей, замеченных на острове в разные периоды.

В-седьмых, эпидемия: не медицинские симптомы, а меры, предпринятые сразу после неё. Кто принял решение о карантине, кто курировал «локализацию», почему жителей не вывезли, а сам остров начали вычеркивать из памяти государства.

В-восьмых, неофициальные свидетельства: бабкины слухи, пьяные признания матросов, рассказы бывших солдат, бред сумасшедших, обрывки жёлтых газетных заметок. Особо подчёркивалось, что именно там, где официальные отчёты молчат, чаще всего и прячется истина.

Всё это было напечатано на допотопной машинке, что свидетельствовало, что материалы собирают так, чтобы не было цифрового следа.

Внизу, уже живым почерком, была приписка:

«Ищите не событие, а систему. Не болезнь, а механизм. Не слухи о пришельцах, а тех, кому выгодны эти слухи. Нас интересуют не факты – они нам известны. Нас интересует вывод о всей системе: кто является её предиктором».

Симеон перечитал лист ещё раз и ухмыльнулся. Да, это уже походило не на частную авантюру, а на вход в хорошую, настоящую трясиину.

– Ну что? – осторожно спросил неизвестный.

– Что-что... – Борзой аккуратно сложил письмо и спрятал во внутренний карман. – Передайте вашему господину, что нюх у меня пока ещё не отсох. А если он и дальше будет так лаконичен, я из одного его молчания добуду больше, чем из чужих архивов.

Он взял чашку информатора и залпом допил остывший кофе, поморщился, как человек, которого попытались отравить канцелярской жидкостью, и поднялся.

– И вот ещё что. Если за мной уже следят, то пусть следят профессионально. А то я не люблю халтуры ни в журналистике, ни в слежке.

И вышел, оставив на столе пустую чашку, два испуганных лица и начало очень нехорошей истории.

Общительность и обаяние были, конечно, не главными качествами Борзого. Сам себя он оценивал иначе: авантюризм, уверенность в себе, честность перед собой и перед обществом, творческий подход ко всему.

В жизни он поставил себе главную задачу: люди всегда должны знать, что происходит в этом мире. Информация должна быть максимально доступной и прозрачной.

Симеон Борзой был журналистом, что называется, от бога, хотя злые языки утверждали – от чёрта. Конечно же, репортажи из небесной канцелярии ему не заказывали, и статьи он писал не во имя Его.

Просто дело в том, что острее пера, чем у Борзого, не встречалось на свете – хоть переберите всю историю журналистики. Перо его было столь острым, что кололо всё, к чему прикасалось. Речь, разумеется, не о бумаге.

Сколько политических рож и чиновных задниц пострадало от него – не счесть.

Он никого не боялся. Поэтому все его пытались либо подкупить, либо каким-нибудь образом задобрить. Хотя злые языки утверждали, что за ним стоят такие люди, что всё уже оплачено и схвачено, и нечего даже пыряться.

– Оборзеватель! – вечно кривились на него чиновники разных уровней.

– Да, у меня нюх, как у борзой! – ухмылялся Симеон. – Я же всё о вас знаю, кролики мои! Барсучки!.. Гав! Ха-ха-ха!

Недаром его прозвали Борзым.

Тут мы заметим, что помимо личных, семейных имён, прозвищ и титулов, очень талантливые люди нередко получают ещё и общественные имена-прозвища. Вот и Симеон заслужил своё – и даже гордился им.

Вы спросите, почему его никто не хотел убить, мстя за поруганное бесчестие?

Как раз наоборот. Хотели. Да ещё как.

Покушений на жизнь Борзого было сделано столько, что и сам Симеон, и его враги давно сбились со счёта. Но покушения не удавались. Борзой всегда ускользал из лап смерти буквально за шаг до гробовой доски.

Это его везение некоторые политики объявили мистическим знаком – будто ангел-хранитель постоянно оберегает скандального журналиста.

– Любишь опасности! Люби опасаться! Опасайся любить! – Симеон Борзой иногда цитировал самого себя. Была когда-то у него чудесная статья о вопиющих разборках коррупционных кланов, где он впервые столь жёстко прошёлся по теме. После подобных расследований антигероям оных отмыться от позора было почти нереально, потому Симеон всегда имел множество мстителей.

Он действительно ускользал от смерти каким-то странным образом: за мгновение до падения огромного камня, за секунду до аварии, за минуту до подрыва бомбы, за час до вылета...

Злые языки говаривали:

– Таки да! За ним стоят такие люди. Они его и оберегают.

А вот враги Борзого после подобных покушений внезапно получали такие пинки от судьбы, что быстро завязывали с мокрыми делами.

Когда сто тринадцатая, по подсчётам Министерства манипуляции общественным мнением, попытка убийства не удалась, все сильные мира сего решили перейти к иным способам воздействия на непокорного журналиста.

Нельзя сказать, что Борзой оборзел, но ему стало совершенно безразлично, чего от него хотят другие. Пусть себе разбираются – подобно паукам в банке.

Ему даже было наплевать, что тот самый господин Инкогнитто из администрации президента так сильно заинтересован в существовании и безопасности такого авантюриста, как Борзой. Тем более было наплевать, сам этот господин соизволил быть внимательным к судьбе журналиста или там действительно была рука Провидения.

Симеон руководствовался высшими мотивами. Ни один чиновник или политик так и не смог привлечь его на свою сторону.

С таким потрясающим везением ему стоило бояться только одного: что ангел обидится, а небесная канцелярия займётся кем-нибудь другим.

Потому Симеон судьбу не испытывал. Он просто верил в свою удачу, ниспосланную свыше.

И продолжал вскрывать язвы и гнойники общества и государства.

Он играл на противоречиях сильных мира сего – или, чаще, тех, кто себя таковыми мнил. Но в глубине души всё это ему уже порядком поднадоело. Подчас он не мог различить, где он – Симеон Борзой, журналист, а где просто человек.

Органы чувств, отточенные на репортажах и интервью, автоматически настраивались на работу, не давая ему расслабиться. Он вздыхал и принимался за очередное дело.

Он уже не мог иначе.

Нынешнее задание было не совсем обычным. Он сам себе его поставил.

Журналистское чутьё подсказывало: здесь можно нарыть не один и не два, а целую серию репортажей. А может – материал на книгу. Или даже на целую серию книг.

Но главное – здесь можно раскрыть такие тайны современного мира, о которых будут говорить не один век. Дело не в славе, а в том сумасшедшем азарте и любопытстве, которому Симеон просто не мог противостоять.

* * *

Симеон пришёл домой. Скромный пустой чердак, превращённый в мезонин. Бедная обстановка, посреди которой царил крайне скромный быт и крайне странный хаос документации, в коем мог разобраться только сам Борзой. В эту берлогу он не водил своих дам, он сюда приходил всегда один, чтобы собраться с мыслями перед очередным грандиозным исследовательским проектом.

Итак, к делу!

Пипининский архипелаг.

Самыми крупными островами архипелага были: Охотничий, Сосновый, Тараканий, Крамский и остров Пьяных Лис.

Ещё около десятка маленьких островков и сотни осколков земли – лысых или едва поросших мхом, кораллом и камышом.

Долгое время архипелаг торчал на всех картах странным белым пятном, пугая своим мистико-фантастическим содержанием умы не только обывателей, но и маститых учёных.

Цивилизация сюда долго не приходила.

Моряки, впервые открывшие архипелаг, решили высадиться на острове Пьяных Лис.

Что произошло дальше – стало для них самым дурным воспоминанием.

Выжившие вернулись на большую землю с внезапной страстью к вегетарианской пище и философским складом ума. Но никто из них так и не раскололся, что именно там произошло, ибо веганская пища, как известно, весьма расслабляет и умиротворяет.

Версий было множество – одна чуднее другой. Толку от них, правда, не было.

Желающих посетить остров долгое время не находилось.

Ещё три экспедиции закончились примерно так же. Две не вернулись вовсе.

Несколько групп метеорологов и зоологов переквалифицировались в экстрасенсов или сластолюбцев. Некоторые – в астрологов и извращенцев.

Словом, учёные менялись кардинально.

Что, в свою очередь, стало предметом исследований психологов и этологов.

За забавными или дурацкими слухами часто скрываются чёткие подсказки. Важно отойти от шелухи эмоций. Эту простую истину Симеон решил взять девизом и всегда искал среди фактов самое идиотское и необъяснимое. Это и были те точки, от которых он начинал тянуть ниточку расследования.

Симеона интересовали остров Пьяных Лис, Сосновый и, возможно, отчасти Охотничий.

Количество тайн, окружавших эти места, давно перестало считаться на тысячи.

Попасть на обжитой Охотничий остров было легко.

А вот посещение Пьянолисъего и Соснового осложнялось серьёзными проблемами – о которых разговор особый. Причём санкции на этот разговор не дал бы ни федеральный судья,

ни даже инспектор дорожно-постовой службы. Тем более прочие инстанции заболтали бы этот вопрос, чтобы он никогда не решился.

Симеона интересовало, каким образом во всех этих тайнах замешаны правительство, разведка и военные. И не потому, что об этом просил Инкогнитто, а потому, что грязь и мерзость не достойны существования.

Будучи прежде всего политическим обозревателем, Борзой интересовался именно такими темами.

Существовало множество свидетельств того, что правительство, министерство войны и департамент ненаучных изысканий проводили какие-то махинации с архипелагом.

Больше всего Симеон хотел проникнуть в тайну Соснового острова.

Поэтому начать решил именно с него.

Этот остров был самым восточным в архипелаге и, пожалуй, самым загадочным.

Связано это было прежде всего с тем, что вся его поверхность была изрыта древними пещерами.

Полузатопленные. Сырые. Сухие. Запутанные лабиринты. Изолированные комнаты. Подземные озёра и реки. Гигантские пустоты – на сотни километров вширь, вглубь и в длину – пронизывали гористый остров насквозь.

Исследовать их можно было бесконечно.

Но пока этим занимались только военные.

Всех дайверов и спелеологов отсюда гнали в три, а то и в тридцать три шеи.

Колонисты, первыми прибывшие на Сосновый остров, освоились там вполне спокойно.

Правда, прибыли они туда вовсе не по собственному желанию.

Их отправили Городской совет и прокурор Вь-Ниццы – города, расположенного в четырёх сотнях миль севернее архипелага.

Сделано это было, дабы «избавить город от скверны в их лице» и превратить колонию строгого режима в ферму.

Следующие три группы колонистов продолжили освоение острова.

Городок Кереш на востоке острова был построен на фундаментах какого-то допотопного города. Причём уровни допотопности были не в один слой, а в несколько. То есть здесь был один из самых древних городов мира, затопленный много раз. Колонисты всегда находили разные артефакты допотопных эпох.

А вот пятая группа решила высадиться на юго-западе острова.

Что они там встретили – осталось тайной.

Кто кого съел – тоже.

Кости нашли аккуратно выложенными пирамидой.

Место назвали Скалой Ста Костей.

И суеверные жители острова оставили всё как есть.

Симеон не мог найти в СЕТИ никаких материалов об этой аномалии. Сеть толковой информации (СЕТИ) – изобретение прошлой цивилизации, помогавшее искать разную информацию, – но даже тут не было достоверных или хотя бы забавных свидетельств. Не от чего было отталкиваться.

Военные базы появились на Сосновом острове сразу после того, как архипелаг был переоткрыт.

Что именно тянуло сюда военных – оставалось тайной.

Под руководством периодически наезжавших генералов проводились эксперименты, манёвры и испытания.

Но все эти события оставались известны лишь посвящённым.

Базы загадочным образом закрывались – и спустя некоторое время появлялись новые.

И всё повторялось.

Дальше Симеон отметил забавные факты, на которые следовало опереться.

Ходил странный слух, что на архипелаге появились какие-то пришельцы. Правда, никто толком не знал, кто их видел и видел ли вообще. Зато это весьма повлияло на активность военных.

Из каких миров явились пришельцы и были ли они гуманоидами – слухи умалчивали.

Единственным источником служило радио 2БС – «две бабки сказали».

Но мы знаем этих бабок.

Зиту и Паразиту.

И доверия им – никакого.

Тем более что жили эти особы на Охотничьем острове, самом большом и обжитом в архипелаге. А Охотничий остров Симеон решил посетить только в случае неудачи на Сосновом. Когда-то давно он посещал Охотничий остров, там у него даже было увлечение молодости, замечательная девушка. Не срослось тогда, ведь жители острова оказались ещё более сумасбродными, чем сам Борзой. И наш красавец-обаяшка покинул этот аристократический остров с затаённой обидой и фрустрацией, дырой в сердце, которая так и не затянулась.

Сейчас он снова с болью вспомнил этот эпизод юности. Потому Охотничий оставил, что называется, на сладкое. Важнее – остальные острова архипелага.

Впрочем, чаще о Сосновом рассказывали другое.

Генералы приезжали на Сосновый остров играть в солдатики.

Какие это были солдатики – рассказчики предпочитали не уточнять.

О генералах вообще шутить не рекомендовалось – ни в указах государственных органов, ни в рекомендациях медицинских или дорожно-постовых управлений.

Разве что Борзой иногда позволял себе пройтись по этой теме эзоповым языком.

Жителей Соснового острова осталось немного.

Недавно здесь прошла безымянная эпидемия – наверное, главная загадка архипелага. После её локализации жители остались наедине со своими проблемами.

Вывозить их на большую землю было нерентабельно.

Поэтому государство о них вежливо – по-демократически – забыло.

Упоминания о Сосновом острове в СМИ, картографии и истории не поощрялись.

Зато забывчивое неупоминание – наоборот.

Словом, забудьте и вы. Ибо сие есть тайна великая, совершенно совершенно секретно, все грифы вам на лоб, дабы знали, где открывать свой рот.

А потом ещё зайдите в местное управление по управлению правилами и правами за поощрением.

Типа:

– Я что-то забыл... Не могу вспомнить – что! Дайте грошей!

Дадут!

Паром курсировал между городами Въ-Ницца и Кудаицца.

На Сосновом острове он останавливался всего на несколько минут – по требованию.

Пассажиров туда обычно было мало.

Особенно в последнее время.

Лишь раз в месяц кто-нибудь подавал заявку.

Симеон решил провести разведку боем.

Просто попробовать открыто попасть на остров.

Для такого мероприятия не требовалось ничего особенного.

Запасные варианты он решил оставить на потом.

– Итак... в путь.

* * *

Паром вяло тащился по волнам Тартарского моря.

Где-то впереди, за дымкой, лежал архипелаг, вокруг которого ходили не только слухи, но и кривотолки. Секретные секреты и таинственные тайны открывали свои жерла, ведь там слишком часто говорили о вещах, о которых лучше было бы помолчать.

Борзой улыбался:

– Вот это я понимаю... материал.

Он уже предвкушал, какие тайны можно будет схватить за хвост и потянуть!..

4

Наши герои – Стасян и Дырявый Сом – живут в городке с дурацким названием, которое не стоит употреблять всуе. Название города совпадает с названием островной цивилизации, которая, будучи надолго отрезана от всей остальной цивилизованной земли, приобрела множество культурных особенностей.

Для придирчивых читателей мы всё же слегка приоткроем тайну: название города состоит из трёх матерных слов. Самых матерных. Матернее не бывает. Совсем заматерелая матерщина. Три самых, самых матёрых.

Почему так вышло?

Дело в том, что язык у островитян и жителей материка во многом совпадал. Слова, которыми островитяне называли свой город, на материке считались матерными. Но сами горожане относились к подобным вещам без ханжества, и после прихода цивилизации на остров менять название города уже не стали.

Разумеется, табуированные слова у островитян тоже существовали. Но касались они вовсе не сексуальной сферы, как у остального человечества, а всего лишь одной детали человеческого тела – пупка.

Эта тема считалась неприличной.

Ругались горожане именно словом «пупок». А матерщина другого рода их совершенно не беспокоила.

Откуда взялась эта странная особенность, уже никто не мог объяснить. Дырявый Сом, сравнивая островитян и жителей материка, полагал, что табу пупка связано не столько с прошлым, сколько с будущим.

– Это символ связи с природой, – говорил он. – У островитян всё ещё впереди. Им ещё предстоит родиться.

Почему же тогда это стало табу?

На этот вопрос шаман обычно пожимал плечами и сплёвывал.

Городок находится на живописном и довольно большом Охотничьем острове Пипининского архипелага, расположенного посреди Тартарского моря.

Когда-то очень давно архипелаг являлся частью материка. Это был полуостров, рядом находилось огромное озеро. Затем, после сильнейшего землетрясения и потопа, озёрная впадина превратилась в море, а полуостров стал огромным островом.

Затем случилось Третье глобальное потепление и Второй всемирный потоп, сопровождавшиеся таянием гигантских полярных ледников. Потом пришёл Шестой ледниковый период. Потом – ещё несколько землетрясений.

И в итоге от прежнего участка суши остался архипелаг.

Остров был почти полностью обжит. В центре, ближе к югу, располагался наш город. Он раскинулся среди милых лесистых долин и садов.

Хотя жителей в городе было немного, он занимал довольно большую территорию и состоял из нескольких частей: Сарай, Центр, Научный городок и Маковое Поле.

На севере и востоке острова располагались деревни Бахча, Саки, Зуя, Симы и Белогорье, а также маленькая деревенька с поэтическим названием Перекошенная Выхухоль.

На юге, в горах над морем, находился охотничий посёлок Массан.

Остров был изрезан дорогами столь древними, что ни один архитектор не смог бы сказать, из каких материалов их построили предки островитян.

Местами встречались развалины и множество вещей, оставшихся от древних людей.

Больше всего они любили лепить скульптуры.

Их стояло и валялось повсюду довольно много. Правда, со временем стало трудно распознать, кого именно изображали эти статуи. Чаще всего угадывались усатые и бородатые мужчины, мускулистые герои, круглозлые девы и дети с платками на шеях.

В руках у них были самые разные предметы: барабаны, трубы, вёсла, автоматы, какие-то загадочные механизмы.

Всё это не заросло травой лишь потому, что островитяне бережно относились к памятникам.

Они всегда были готовы показать их туристам, чтобы доказать: жители острова – потомки очень древних цивилизаций.

История, правда, сохранила далеко не всё. Долгая череда катастроф, связанных с недавним глобальным потеплением, многое стёрла не только из памяти людей, но и с лица земли. Некоторые памятники теперь находились под водой.

Однако события не ждут.

И пока мы осматриваем местные достопримечательности, в мире происходит кое-что ещё.

* * *

Когда в доме неожиданно появилась Лусия Карловна – младшая сестра отца, – Стасяну сразу показалось, что это нехороший знак.

Во-первых, она была явно не в себе и почти не реагировала на окружающих.

Во-вторых, с Соснового острова, где она жила, в последнее время приходили только дурные вести. Лусию Карловну вообще часто преследовали неудачи, и её брату Вовану Карловичу регулярно приходилось их разгребать.

В-третьих, утром того же дня Стасян сильно стукнулся лбом о ветку в лесу. После этого в голове у него крутилась куча странных фантазий. Дурацкий сон о подушках, какие-то пришельцы... Он уже не понимал, где тут сон, где воображение, а где реальность.

К тому же шишка прямо посреди лба уверенности в себе не прибавляла.

И наконец, в-четвёртых, Лусия Карловна была настолько нехороша собой, что назвать её появление хорошим знаком мог только подслеповатый человек.

Таким человеком оказался дальнзоркий Широкий Бу – брат Дырявого Сома.

Именно он привёл её к Вовану Карловичу.

Широкий Бу был купцом весьма примечательным. Он уверял, что обладает божественным даром вселять в сердца людей радость покупки.

Широта его души постоянно соперничала с широтой его кошелька. А широта кошелька – с широтой его живота.

Бу рассказал, как нашёл Лусию Карловну.

Он, как обычно, плыл по своим торговым делам на пароме. В каждой поездке он проверял свои грузы. Во время такой проверки в трюме и обнаружилась Лусия Карловна.

Вернее, сначала он увидел толпу пьяных матросов, которые возились возле тюков с товарами. Бу решил, что его собираются обокрасть.

По его словам, он сразу заметил женщину и героически бросился на матросов.

Матросы были разогнаны.

А женщина оказалась Лусией Карловной.

– Свистать всех наверх! – внезапно крикнула она.

– Да-да, именно так она и кричала, – подтвердил Бу. – Она была совершенно не в себе! Я напомнил ей, что мы вместе учились в школе, но она едва меня понимала.

– Наверное, она бежала с острова, – предположил Вован Карлович. – Ты её вещи не нашёл?

– Это всё из-за эпидемии, – Бу перешёл на шёпот. – Там такое странное творится... Только тихо. Никому не говорите. Официально эти слухи не подтверждаются.

– Что за эпидемия? – тоже шёпотом спросил Стасян.

– Неизвестно. На остров никого не пускают. Там ещё и жуть какая-то была! Наверное, дело не только в эпидемии – там ещё какие-то чудовища завелись... – Он оглянулся. – Сам видел, как человека сожрал монстр. Пацан за борт упал – и пропал! А один проныра попробовал высадиться на острове, но военные водворили его обратно на паром. Словом, на Сосновый путь заказан!

– А как же Лусия Карловна? – спросил Стасян. – Она точно не больна?

Все замерли.

Этот простой вопрос почему-то раньше никому не пришёл в голову. Особенно Широкому Бу, который с ней контактировал дольше всех.

Лусия Карловна тем временем блаженно улыбалась, глядя на родные лица.

Похоже, она начала приходить в себя.

– Родные мои! Я так рада, что нашла вас!

– Ты в порядке? – осторожно спросила Агнешка.

– Это было ужасно! Они стали такими...

– Кто они?

– Эти... На Сосновый нельзя! Там опасно!

– Ты точно не больна?

– Да нет же! Я только из карантина! Меня как раз выпустили, но я даже... даже... я не...

Она вдруг запнулась, побледнела и потеряла сознание.

– Стасян, дуй за доктором! – скомандовала Агнешка.

Она всегда быстро реагировала в критических ситуациях.

* * *

Доктор Пупельшнауцер был фигурой не менее колоритной, чем остальные жители острова. Маленький, подвижный, с пронзительным взглядом и тонкими подвижными руками и ногами.

Вечно молодой Пупельшнауцер катился по городу от пациента к пациенту, почти нигде не задерживаясь. По его убеждению, всякое лечение должно быть коротким и гениальным.

Своим гением он считал коллективное бессознательное.

– Человек сам себя лечит, – скромно говорил доктор. – Я лишь показываю ему путь.

Получив образование ветеринара, он тем не менее завоевал огромную симпатию не только среди свинозёбр и тюлепушиков, но и среди жителей Сарая, Бахчи и Саки.

Пупельшнауцер лечил всё, что шевелится.

И избавлял от всех болезней – даже тех, которым ещё не придумали названия.

Нельзя сказать, что ему было всё равно, кого и что лечить, скорее наоборот – он просто любил, чтобы всё было живым и шевелилось, причём шевелилось быстро и весело, как и он сам.

В основном лечились у него бедные, так как Пупельшнауцер порой забывал даже деньги брать с пациентов. Богатые пациенты, конечно же, обращались к именитому профессору Дауну. Он периодически наезжал на Охотничий остров, и ему платили огромные деньги за консультации. Однако по вечерам, пока никто не видит, все шли лечиться к местному доктору и становились в общую очередь вместе с собаками, бедняками и свинозёбрами.

Лечил бывший ветеринар, что называется, с божьей помощью. Некоторые считали, что у него были какие-то экстрасенсорные способности. Но знающие люди говорили, что он был не столько врачом, сколько психологом и психотерапевтом, отсюда и ссылки на коллективное бессознательное и психосоматику. Тем более он являлся также потомком древнейшего рода великих шаманов.

Большую часть болезней, по их словам, он вообще не знал ни по симптомам, ни по названию, зато в совершенстве понимал людей, их психологию. Это подтверждалось тем, что его

рецепты не мог разобрать ни один аптекарь – то ли почерк был плохой, то ли был там не язык, а каракули. Но, чтобы не терять авторитета, аптекари часто выдавали лекарства на авось. Зато все пациенты, приняв эти таблетки и даже не пройдя всего курса лечения, очень быстро оказывались здоровыми.

Дырявый Сом как-то давно сказал, что Пупельшнауцер лечит не болезни, а людей, их личное мироощущение, вселяет в них обычный здоровый оптимизм и уверенность в себе и в окружающем мире.

Пока Стасян отсутствовал, мужчины уложили Лусию Карловну в спальне для гостей. Чтобы не касаться больной, они завернули её в покрывало. Агнешка пошла искать вонючую травку, чтобы привести родственницу в чувство.

Стасян отсутствовал недолго. Женщина больше в себя не приходила. Впрочем, её боялись трогать и даже подходить слишком близко, потому она просто лежала в покое.

Через пять минут в дом весело вкатился Пупельшнауцер. Он тут же пошутил по поводу того, что последний пациент, у которого его нашёл Стасян, оказался болен женским ежесекундным недомоганием.

– Сие больно странно! Видать, конец света!..

Полупоняли. Заржал только Широкий Бу. Стасян усмехнулся.

– Ладно! – Пупельшнауцер огляделся. – Дело прошлое! Пусть считает это геморроем! Так, а кто у вас?.. Ага! Вы полагаете, эта дама больна? Нет. Она уже переболела. У неё беда в другом. Это другое осталось далеко. Эк-кая странная пациентка!..

Доктор вынул из своего врачебного рюкзака наштатырь, и Лусия Карловна через несколько секунд осмысленным взглядом обвела присутствующих.

– Милочка, – сказал ей Пупельшнауцер, – что вы позабыли у себя дома?

– Меня отрезали...

– Да-да, мне тоже так показалось.

– Я потерянный кусочек... Почему они меня отрезали?.. Как я теперь?..

– Ты сможешь! Съешь шоколаду! – доктор достал лакомство и дал пациентке. – Всё будет чудесно! Ты ещё вернёшься, верь в это! Расцени свою потерю не как потерю себя, а как потерю своего!

Зрители наблюдали этот диалог с онемелым удивлением. Похоже было на то, что и доктор, и его пациентка свихнулись. Впрочем, доктор мог просто подыгрывать больной.

– Наверное, о ней надо будет сообщить куда следует, – шепнул Широкий Бу на ухо Вовану Карловичу.

– Они меня держали в этом карантине. Мне было так плохо! Теперь уже легче, но иногда накапывает!.. Но потом... потом...

– Погодите, милочка! – внезапно остановил её Пупельшнауцер и обратился к зрителям: – Я прошу вас выйти ненадолго. Психотерапия – вещь серьёзная. Я позову вас, когда всё закончится.

Все вышли, оставив доктора с пациенткой наедине.

– Сообщить надо, – снова заговорил Широкий Бу. – А вдруг она ещё не совсем здорова? Мы ведь не знаем, что это была за болезнь!

– Но доктор же сказал, что у неё не болезнь, – сказала Агнешка. – У неё беда. Наверное, расстройство какое-то, раз он этой терапией занимается?.. Развратник эдакий!

Доктор Пупельшнауцер, против своего обыкновения, задержался с этой пациенткой гораздо дольше обычного. Их диалог длился почти десять минут.

Когда Пупельшнауцер позвал всех в комнату, Лусия Карловна, прикрыв глаза, блаженно дремала. Сам доктор был задумчив.

– Знаете, – вздохнув, сказал он, – это очень-очень странный случай! Я тут бессилен. Только время может что-то сделать... И природа. Да! Природа...

– Как – бессильны?! А что с ней? – спросила Агнешка.

– Что за болезнь? – спросил Стасян. – Эпидемия?

– Я уже говорил. У неё всё в порядке. А эпидемия?.. Нет, наверное, вирус какой-то... Ерунда! Вирусы – это наше подсознание и коллективный разум... Н-да!.. Так. – Доктор помолчал секунду, потом очень быстро заговорил: – У неё потрясающие регенерация и метаболизм! Проблема в том, что она вытесняет свои переживания. Не напоминайте ей об этом. Рано или поздно она сама об этом заговорит. Болезни у неё нет никакой. Была. Но это не беда. Я оповещу карантинные службы сам. С вашей сестрой всё в порядке. Просто дайте ей покой. Мне пора.

И доктор тут же ретировался.

Произошедшее всех удивило и немного растрогало. Но Стасяна это поразило особенно.

Все события этого дня сплетались в странное ощущение синхронности и взаимосвязанности происходящего. Он увидел в этом тайну, необъяснимым образом связанную со всем, что уже успело случиться.

И тайну эту надо было раскрыть.

5

Симеон вышел на пристань Кереш – единственную на Сосновом острове. Место поражало заброшенностью и пустотой, словно здесь только что прошла глобальная война.

Но среди этой пустоты внезапно возникли двое – словно вылепленные из одного и того же ларца. Оба в военной форме, с жутким громадным оружием за спиной.

– Что вам тут надо? – спросил первый, капитан первой гильдии.

– Я приехал к родственникам... – Симеон постарался звучать спокойно.

– Все ваши родственники уже месяц как покинули остров и отправились во Въ-Ниццу и в Кудайцу, – произнёс второй, капитан шестой гильдии.

– Мне нужно забрать кое-какие вещи...

– Все ваши вещи отправлены в столицу – в Кый. И в Кушнию.

Офицеры говорили по очереди, словно один разум делился на два тела. Они стояли истуканами, не давая Симеону и шага ступить.

– Лучше вернитесь на паром, пока он не отбыл.

– Вы не имеете права меня задерживать.

– Мы вас и не задерживаем. Идите на паром.

– Но вы не можете меня не пустить на остров.

– Если не подчинитесь, инкриминируем вам проникновение на засекреченный объект под ложным предлогом.

– Тут есть засекреченный объект? – Симеон не удержался.

– Для вас тут есть только мы, – хором ответили офицеры. – И вы не пройдёте.

Без предупреждения они взяли журналиста под мышки и водрузили на трап парома. Моряки вместе с Симеоном затянули трап обратно на борт.

Журналист удовлетворённо проводил взглядом удаляющуюся пристань Кереш. Офицеры исчезли так же быстро, как и появились. Борзой и не ожидал иного: для проникновения в тайны всегда есть обходные пути, парадным входом обычно не пользуются. Но убедиться в этом было необходимо.

Паром огибал остров. Дюны и лесистые холмы, песчаные пляжи и каменистые утёсы сменяли друг друга.

И тогда Симеон увидел то, что не поддавалось описанию.

Среди небольшого перелеска, плавно спускавшегося к морю между двух дюн, стояло чудовище.

Огромное – примерно три метра в длину и ширину. Кожа его была в основном голой, как у человека, но кое-где покрыта длинными волосами или разноцветной шерстью. Конечности торчали в совершенно хаотичном порядке – несимметрично, нелогично, словно их разбросали наспех.

Глаза? Симеон не понял. Но он ощутил взгляд существа. Не обычный взгляд, а взгляд-ощупь на расстоянии. Жуткий. Пронизывающий. Нечеловеческий. Не хищный, но настолько напряжённый, что хотелось одновременно убежать и подойти.

Борзой вдруг яснее ясного почувствовал: он не наблюдатель и даже не участник, а рискует стать добычей. Всё это – остров, твари, исчезновения, молчание военных, покровительство высокопоставленных особ, – уже заметило и даже почуяло его. С этого момента он был не журналистом на выезде, а частью материала. А это, как известно, всегда опасно для профессиональной объективности, а иногда и для жизни.

– Человек за бортом! – завопили несколько голосов.

Никого не было видно. Круги на воде быстро исчезали. Спасательные круги колыхались на волнах, но оставались невостребованными.

– Вон, вынырнул! – вскрикнул кто-то.

Но больше никто ничего не увидел.

Тем временем чудище скрылось в дюнах.

Симеона пронзила дикая мысль: «А что, если чудище загипнотизировало нас, и кто-то прыгнул к нему сам?.. А сам монстр ушёл за дюны... Но на что ему человек?.. Съест?»

От этих картин его чуть не замутило.

Матросы ещё какое-то время тыкали баграми в воду, но безрезультатно. Один из них надел акваланг и погрузился в морскую глубину.

Симеон с интересом наблюдал: он опасался, что матрос исчезнет так же, как пассажир.

Прошло около получаса. Аквалангист вынырнул, сдирая маску и истерически крича. Его тут же втащили на борт.

– Акулы?! – спросил капитан-шкипер.

– Не знаю... Это... такое! Это... – матрос едва мог говорить. – Это уродина! Она сожрала его!..

– Ты видел?!

– Я видел, как из чудища торчала нога... в ботинке... Как в тесто провалилась... Это жуть!

– Ладно, успокойся, – Симеон похлопал его по плечу. – Кивни, если я опишу правильно.

– Да!

– Это было чудовище телесного цвета, без нормальных конечностей, с редкими пучками волос, почти без головы, и смотрело оно не глазами... Верно?

– Да, да! И оно... оно ело человека...

– Ладно. Понял.

Все напряжённо ждали реакции капитана.

– Полный вперёд! Машины – полный ход! Зюйд-вест! Все по местам! Пассажиры – по каютам!

6

Оно остановилось в десяти метрах от Стасяна. Юноша замер, глядя на невиданное чудище. Таких тварей он ещё не видел. Возможно, они и водились на Охотничьем острове, но к городу подходили крайне редко. Интересно, что бы сказал Охотник Ё?

Вид существа не внушал доверия. Членистолапое, членистоглазое, членистобрюхое, членисторотое и членистоусое – одним словом, членистотелое чудище. Оно замерло перед Стасяном так же, как и он сам.

Было непонятно, собирается ли оно атаковать или просто замерло от удивления. Чудовищная морда оставалась непроницаемой, шевелились лишь усы.

Вдруг оно лапами загребло ближайшее деревце, с потрясающей лёгкостью вырвав его с корнями.

У Стасяна в пятки ушла не только душа – всё живое в нём словно покинуло тело. Чудище старательно ободрало ветки деревца, а ствол швырнуло в сторону: он отлетел метров на десять. Последние остатки души юноши уходили куда-то под землю. А чудовище невозмутимо загоняло ветки себе в рот, тупо тараща глаза в одну точку.

– Жвачное членистоногое?.. – пронеслась странная мысль.

И тут Стасян понял: чудище совершенно безобидно. Оно травоядное. На всякий случай он не стал делать резких движений. Сплюнув, юноша вернул душу из пяток обратно в живот и осторожно пошёл через перелесок дальше.

Скорее всего это был порошкендель, крупный, неприглядный, но действительно безобидный сухопутный моллюск, мимикрирующий под членистоногое.

Весь день Стасян шатался по лесу, собирая грибы и ягоды, и набил ими целый рюкзак. Вечерело. Стасян хотел успеть домой до полуночи, но сначала планировал заглянуть к Дырявому Сому.

Флора и фауна архипелага были не менее примечательны, чем его история. С допотопных времён здесь сохранились странные животные: хрысы, вылки, зайчы, бейки, горобцы, вроны, голуби... Мелкие морские и наземные виды почти не изменились. Дельфины, тюлени, рыбы, членистоногие – всё это были реликты прежних эпох.

Но были и новые виды. Мутации ускорились, и новые существа появлялись буквально за одно-два поколения.

Каранырок – таинственный зверь, которого никто не видел, если он сам не хотел, а если и видел – то быстро забывал о встрече.

Птицы ревуотка и куродятел в зависимости от сезона вели хищнический или травоядный образ жизни, постоянно меняясь ролями друг с другом.

Пундель никогда не спешил, но мог преследовать добычу бесконечно, обладая потрясающим нюхом, когтями и выносливостью.

Худехвост – опасный хищник, вызывающий галлюцинации у жертвы с помощью каловых меток, содержащих психоактивные вещества.

Гадопуклюк – амфибия размером с крокодила, злобная и трусоватая, со слюной, содержащей яды и кислоты. Дырявый Сом как-то получил от неё шрам на руке.

Свинозебры, куры, овцебыки, тюлепушки использовались людьми в хозяйстве. Их мясо, кожа, шерсть, перья, когти, рога – всё шло в дело. Порой эти животные удивляли и умом, и забавным поведением.

Но встреченное Стасяном чудище было новым, неизвестным.

Тем не менее всё прошло благополучно. День и без того оказался насыщен тайнами. Только старый шаман мог помочь юноше разобраться: странный сон, чудище, пришельцы, визит тётушки – всё это казалось связанным.

Стасян понимал: обстоятельства складываются закономерно. И всегда можно предугадать, к чему они ведут.

* * *

Дырявый Сом, как обычно, был занят лабораторными опытами. Иногда он работал за компьютерами, но Стасян чаще заставлял его в окружении пробирок, штативов, реторт, микроскопов, наноскопов и прочего лабораторного оборудования. Он всегда работал допоздна.

Сом закончил свой опыт, объяснив, что пытается скрестить простейшее животное и растение.

— Чушь, конечно! — махнул он рукой. — Пока ничего интересного не получается! Что у тебя? Ты какой-то взбудораженный! Ого! Шишка — будь здоров! Хорошо приложился!

Прежде чем делиться новостями, Стасян рассказал о встрече с чудищем в лесу. Сом уточнил, как оно выглядело.

— Ага! — обрадовался старик. — Так это либо новый вид гигантского медведила, либо тебе жутко повезло, и ты встретил каранырка. Знаешь, что ждёт того, кто его встретит? Ему откроется такая истина или тайна, которую ещё никому не удавалось открыть!.. Да, вот так!.. Суеверие, но хоть не про деньги — уже хорошо!.. Ну, приметы приметам, но дело не в этом! Кого же ты встретил? Описание несколько отличается от тех, что я слышал. Но с медведилом ещё хуже — не похоже!.. Мутации! Мутации! Мутации!..

Стасян нахмурился.

— Ты не понял?.. Ты спрашиваешь, что такое мутации, малыш? Хм! Это просто! Взгляни вокруг. Что ты видишь? — Дырявый Сом повёл рукой в воздухе.

Стасян огляделся: деревья, птицы, небо, звёзды, луна, летучие мыши, насекомые, трава — всё перемешалось в тенях...

— Красиво! Особенно в лунном свете!..

— Не то! — Дырявый Сом махнул дырявой рукой. Сквозь эту дырочку Стасян уловил мелькнувший луч лунного света.

— Мутация? Изменения какие-то? А! Лепс его знает!

— Да, — улыбнулся Дырявый Сом. — Ты вспомнил. Это процесс таких изменений в организме, которые приводят иногда к полной перестройке всей его организации, всей его структуры...

— Это как дырка в твоей руке?!

– Хм! – Сом нахмурил брови. В лунном свете глаза стали чёрными впадинами. Сом вздохнул и стал объяснять: – Всё несколько сложнее, хотя и такие мутации серьёзны. Человек мутирует гораздо быстрее животных и растений, подчас мы мутируем от одних только мыслей и эмоций! Но дело не в этом!.. Хотя, думаю, дырка создала у меня в голове сильные мутации! Хе-хе!

– Что, в голове они сильнее, чем в руке, например? – спросил Стасян, сияя своей нарочитой улыбочивой глупостью.

– Да-а-а! Это психология. Но я не об этом! Вот взгляни на этих мухеров! Хотя их сейчас плохо видно, но слышно изрядно! Ты обратил внимание, что они стали крупнее почти втрое за несколько лет?

– Да, – Стасян прислушался к басам этих странноватых насекомых размером чуть ли не с локоть, и, хоть они были совершенно безобидны, ему стало несколько жутко. – Они что, растут так быстро?

– Нет, это мутации. Мухер живёт-то всего пару недель, плюс, как личинка, ещё полгода.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что и мухеры, и медведилы, и ещё целая куча всяких новых уродов – результат очень сильно ускорившейся эволюции! Совсем недавно новых видов не образовывалось! Представляешь? Все животные были известны... Все виды животных были достаточно устойчивы, серьёзным изменениям не подвергались. А теперь!.. Живородящих птиц никогда раньше не было, да и прочие тоже – хищники стали вегетарианцами, травоядные – всеядными! Способ воспроизводства и питания изменился... Мутации идут прямо лавиной! За пятьдесят лет такие изменения в животном мире произошли, что мы, люди, остались словно на обочине... Мы – одни из последних реликтов... Все животные так меняются!.. Вот и лепсы, к примеру, появились лет семьдесят назад, а уже теперь совсем не похожи на тех, что жили полвека назад. К примеру, работа селекционеров стала такой простой: просто скрести между собой парочку уродов, даже из разных видов, дай нового корма – и через месяц у тебя новый сорт и даже новый вид... Если даже крупные животные меняются быстро, то о мелких животных я вообще молчу!.. А что с вынашиванием детёнышей! Если киты раньше вынашивали детёнышей двадцать месяцев, то теперь – лишь год! Ты представляешь: год! Вдвое меньше!.. Значит, естественный отбор ускорился... А то, что почти все дети, наши человеческие дети, рождаются недоношенными, а в десять-тринадцать лет вы уже взрослые и вполне способны к продолжению рода!.. Мутируем и мы, конечно же, я немного утрировал!.. Может, даже мутируем так, что это очень серьёзно, но для нас самих незаметно. Наука в последнее время просто не поспевает уследить за всеми этими изменениями...

Стасяну стало дурно. Он, видимо, потому и прикидывался дурачком, что всё это понимал и предчувствовал во всём этом какую-то тёмную, жуткую сторону. Словно должно было произойти вскоре нечто ужасное или, по крайней мере, странное и необъяснимое на грани ужаса. По большей части это ему внушил Дырявый Сом, который прямо не высказывался, зато на мысли наводил соответствующие. Хотя, если наблюдать за окружающим, обдумывая то, что видишь, рано или поздно и сам приходишь к выводу: не время прозябать в спокойствии...

«Не слушаешь родную маму! Общаешься с этим Дырявым Сомом! Тоже мне, нашёл приятеля!» – говорила ему его мать Агнешка, полагая, что общение с городским сумасшедшим не доведёт сына до добра. И подтверждала свои слова не очень крепкими подзатыльниками.

Припоминая по большей части негативное отношение горожан к Дырявому Сому, Стасян не всегда мог понять, почему так происходит. Может, причиной была необычная дырочка в ладони, которую Сом получил от гадопуклюка, плюнувшего в него кислотой. Возможно, причина была в том, что Дырявый Сом был столь же саркастичен и симпатичен, как и его далёкий предок – Сократ. Байку об этом рассказал однажды горожанам отец Сома. А Сократ был таки до жути красив – для обезьяны! – кричали завистники!

Но Дырявый Сом совсем не был похож на своих предков – Сократа и Ветхого Сыча. Любая женщина могла бы назвать Дырявого Сомы интересным мужчиной, если бы не одно обстоятельство.

Он абсолютно не заботился о собственной внешности, так как был постоянно занят важными научными изысканиями, занимавшими почти всё его свободное время. И не внешний вид пугал женщин, а то, что Сом был способен разобраться во всём – даже самую сложную душу он раскалывал в один приём.

Возраст у него был уже немолодой, ему перевалило за шестьдесят, но по внешности определить, сколько ему лет, было невозможно, да и энергичности его мог бы позавидовать любой молодой бездельник. Живость ума всегда продлевает молодость. У Сомы были выпуклые глаза непонятного цвета, водянисто-зеленоватые, будто выцветшие от вечной недопонятности. Нос его был прямой, греческий, губы тонкие и за долгие годы житейских неудач и вечного поиска истины скривились в горестно-радостно-саркастической усмешке. Роста он был среднего. Главную примечательность его тела составляли плечи, которые, в зависимости от настроения, то победоносно и уверенно распрямлялись в припадках безудержного оптимизма, то сутулились и опадали подрезанными крыльями в припадках депрессии. Благо последняя была не столь частой гостьей в его жизни.

Ещё одной его особенностью, из-за которой сограждане в очередной раз крутили пальцами у виска, были его стрижка и борода. Глядя на Дырявого Сомы, создавалось впечатление, что он стриётся тупым – очень тупым – топором. Голову его украшал жуткий включенный ёжик из волос разной длины. Особого внимания заслуживала его борода, так как без слёз на неё не могла смотреть ни одна женщина и ни один стилист-цирюльник. Росла сия борода пучками и клочками, потому что брил он её тем же самым топором. Лишь тогда, когда борода уже вращалась ему в подмышки, путалась в пуговицах рубашки и штанов, лезла во все пробирки, он её брил.

Один раз он даже совершил из-за такой неряшливости важное открытие: экстракт его волос оказывал разрушительное влияние на развитие культуры кишечных гнидококков.

Словом, выглядел он довольно странно, что могло быть важной причиной того, что горожане, уже приученные в последние годы к цивилизации, попросту шарахались от одного только его внешнего вида.

А может быть, причина скрывалась в том, что Сом часто выступал на Городском совете с требованием прекратить потреблять в пищу всеми любимых куродятлов, свинозебр, овцебыков и тюлепушиков. Это он обосновывал тем, что из-за их мяса и потрохов у людей снижается иммунитет и наступают необычные, не вполне позитивные мутации в организме. Надо заметить, что слово «мутация» очень нравилось старику, и он очень часто говорил об этом явлении. Советники запретили ему ругаться научными словами, на что Дырявый Сом стал ругаться антинаучными словами, назвав всех советников и по именам, и по отчествам, и по матерному.

К старости Дырявый Сом приобрёл необычайный педагогический талант. Это, возможно, было компенсацией утраченной возможности воспитывать собственного сына. Дети постоянно толклись возле него, слушая все его речи, открыв рты. От этого родители приходили просто в бешенство – им-то в рот так не смотрят! Быть может, причина неприязни к шаману была и в этом. Ибо в периоды отсутствия у него меланхолического настроения детям и неотупевшим взрослым с ним было всегда весело и интересно.

Необоснованные подозрения подогревались сплетницами Зитой и Паразитой. Дырявый Сом, мол, имеет нездоровые наклонности в отношении детей. А он, наоборот, имел очень здоровые и вполне нормальные наклонности, а не то, что все подумали!.. Он давал им представление о разных науках, в основном касающихся природных явлений. Дети любили послушать болтовню старика, тем более что ораторский талант его был неоспорим, как и у его великого предка Сократа... Он не говорил набором шаблонных фраз, как их родители. Он мог отвечать

на их вопросы. Он интересовался их проблемами, легко разрешая их. Дети всегда слушали его, раскрыв рты. И бегали дети к нему до тех пор, пока однажды толпа горожан не взяла штурмом хижину Дырявого Сомы. Разъярённые горожане, подзадориваемые доносчицами и сплетницами Зитой и Паразитой, почти забили старика ногами. Наговорили эти сплетницы такого, что в приличном обществе даже в новостях по телевизору не показывают, тем более не пишут в газетах и на заборах. Дырявый Сом даже не успел ничего спросить или сказать. Дети спасли его от смерти, буквально повиснув на ногах отцов, чтобы те не забили учёного-шамана до потери памяти и жизни. Дети же заставили родителей впоследствии извиняться перед старым шаманом.

Потом они извинялись и божились, что во всём виноваты эти старые сплетницы. Старух-сплетниц они затем тоже ещё месяц били ногами, когда догоняли, – у некоторых это даже вошло в привычку.

Злость к старику прошла, но неприязнь осадком осталась.

После этого происшествия лишь Стасян и ещё парочка подростков бегали к нему в гости. Остальные дети всегда тусовались неподалёку, лишь изредка подходя близко. Как говорится, осадочек остался, и от этого родители ещё чаще, чем обычно, ругали детей за тягу к знаниям.

Возможно, причина была в самом Дырявом Соме, который сам сказал, что является кривым зеркалом всех ненавидящих его горожан, или, как он выразился, «воплощением коллективного бессознательного городка».

Такие заумные слова ему простить не смогли.

Вот и теперь, глядя сквозь отверстие в ладони Дырявого Сомы на едва освещённую зелень травы и деревьев, Стасян думал об этом.

– И всё же, Сом, к чему ты ведёшь?

– К чему?.. Ты чувствуешь это лучше меня. У тебя прекрасная интуиция. Ну так скажи сам!

– Я как раз хотел тебе об этом рассказать. Что-то будет!..

– Да. Тебе не хватает слов, но ты – человек не слов, а интонации. Действительно, что-то будет, что-то таинственное! Что-то необычное!.. Когда кругом такая быстрая, жуткая идио-адаптация у всего живого – всё так меняется, то тут явно не за горами некий эволюционный катаклизм – наподобие того, когда рыбы вышли на сушу или когда появились звери... Грядёт гиперароморфоз или гипердегенерация...

– Ох, я сейчас лопну от твоих супер-гипер-экологических терминов! Объясни, ради Бога!

– Ароморфоз – это революция в природе, наподобие выхода рыб на сушу и появления зверей. Дегенерация – это, например, уменьшение динозавров до размеров ящериц и их превращение в птиц. А представь себе, как это будет, если добавить «гипер»!..

– Сом, не пугай меня так! Это что, мы тоже как динозавры... того... вымерем?.. Не хочу! – Стасян захныкал по-детски, представляя себе жуткие картины будущего и в душе слегка потешаясь над стариком.

– Что за инфантилизм! Ты уже не дитя, чтобы хныкать и капризничать!.. А! Ещё, парниша, хватит прикалываться! Понимаю, это твоя психологическая защита, но не проще ли осмыслить то, чего ты боишься и от чего защищаешься?.. Или над чем потешаешься! – Сом усмехнулся. – Тебе лишь бы поржать! Ну, верно, во всём есть своя хорошая сторона! Возможно, это будет иметь положительное значение. К примеру, то, что когда-то динозавры вымерли, для нас, для людей, хорошо. И ведь не обязательно этот генетический катаклизм коснётся людей... Поглядим, что будет! Авось пронесёт беду мимо!.. А может, и вовсе беды не будет, а совсем наоборот!.. Что ни происходит, происходит к лучшему!.. Природа мудра.

– Ты не забывай объяснять все термины, что употребляешь! У меня, конечно, есть словарный запас, но...

– Конечно.

– Да, хорошо. Так я вот что хотел тебе сказать... Сон... Сны... Во сне у меня такое странное происходит... И эмоции, и такое необычайное миропонимание... Почему-то мне рисуются странные образы...

– Какие?

– Подушки какие-то... Куча подушек... Это мне снится часто и почему-то часто всплывает в памяти, в сознании...

– Подушки? При чём тут подушки?!

– Они как-то связаны с тем, что будет... Они летят сквозь звёзды, они растворяются в воздухе, пёрышки летят по всему миру... Они пёстрые, дурацкие какие-то... Везде эти подушки!.. Это какой-то символ.

– Ага! Архетип! – усмехнулся Дырявый Сом. – Дре-евний символ! Подушки?.. При чём тут подушки?! Каким боком их привязать сюда?! Ну, давай так! Подушки... Подушки – это символ сна и покоя. Голова, покоящаяся на мягкой имитации земли. Тут и гроб можно присо-вокупить!.. Покой, он разный бывает! Но покой, он и есть покой! Это с одной стороны! – голос Сомы становился всё более загадочным и чревоуещательным, правда, где-то тлея искорка дурной иронии. – С другой стороны – тут кровать прилагается, и подушка как часть кровати! А уж кровать – это ещё и половая жизнь! Надеюсь, ты ещё не знаешь на практике, что это такое? Ладно, не тушуйся так!.. Да. А уж с третьей стороны... Проанализируем! Там были целостные символы, а тут надо изнутри!.. Птица, вывернутая наизнанку, перьями внутрь! Вывороченное знание – подсознание! Полёт птицы внутрь себя самой. Ты посмотри-ка! Глубокоёмкий символ! И жизнь, и смерть, и секс, и сон! Эт-то что-то!.. Нет, Стасян, ты не подумай, что я над тобой потешаюсь! Иногда на меня находит что-то гениальное!

– Что ты, учитель! Полёт внутрь себя?! Это круто! Это такая глубокоёмкая хрень! Я тебе ещё не сказал главного. Так и не пойму, реально это было, случилось до удара и потери сознания или это сон после того, как я звезданулся...

Юноша рассказал о странном подслушанном в лесу разговоре.

Сом выслушал. Молчал. Кривился. Думал.

– Я даже не знаю, как на это можно отреагировать, – наконец сказал он.

– Вот-вот! – вздохнул Стасян. – Я тоже!

– Вспомни точно, что они говорили насчёт нашей цивилизации? Ты нагородил чего-то непонятного!..

– Ну... Точно я не вспомню! Там такие термины были!.. Я могу не дословно пересказать...

– Постарайся.

– «Цивилизация... на грани каких-то изменений глобальных... Генетических... морфо... каких-то... Контакт нежелателен...» Они боялись, что сами от нас чего-то подцепят, что ли?.. «Невозможно предсказать, какие изменения...» и так далее... И группа этого... как-то они его называли... изменилась... непонятно как... Чтобы спасти своих, им понадобится большая спецоперация. Но они боятся контакта! Или мы должны его бояться... Да уж! Страху я такого натерпелся! Нет, страх был настоящий! Не во сне! Хотя очень похож на кошмары!

– Да-да-да! Так ты говоришь, сознание терял?

– Доктор Пупельшнауцер мне уже помог, когда я ходил звать его к тётке! Всё в порядке.

– Он наверняка тебе сказал полежать... Ой, Стасян!.. – Сом вздохнул, качая головой. – Слушай, а твои родители тебя не хватаются? Поздно уже!

– Учитель! Ты меня не хочешь выслушать?!

– Что ты! Брось! Ляг на диван. Быстро! И компресс! Старый я дурень, сразу не подумал! Стасян подчинился. Шаман стал проделывать над юношей какие-то лечебные процедуры.

– Итак, пришельцы... – говорил он, скривив губы. – Однако! Над этим надо подумать!

– Может, сходить туда? – робко предложил Стасян.

– Да, это обязательно. Мало ли! Если это не бред твоего воображения, то там можно такие артефакты найти! Словом, над этим надо поработать, – он закончил свои процедуры и возгласил: – Так. Теперь молча полежишь хотя бы полчаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.